НА СЦЕНЕ —
ГОСТИ

Т Е А Т Р ИЗ БРАТИСЛАВЫ

Почти триста двадцать лет тому назад на сцене Пале-Рояля в Париже состоялась премьера пьесы Жана Батиста Мольера «Школа жен». По свидетельству очевидцев, «его произведение заставило смеяться их величества так, что им пришлось держаться за бока от смеха». Примерно то же происходило в зале Ленинградского театра эстрады, где выступал с гастролями впервые приехавший в наш город драматический театр из Братиславы «Поэтическая сцена».

Спектакль строится не только на остроумных ситуациях и жестах, но и на контрастах между текстом и происходящим на сцене. Например, центральный персонаж пьесы Арнольф, опекун прелестной Агнессы (его играет Любо Грегор), встречается с сыном своего приятеля Орасом (Ян Кронер). Они ведут вполне невинную беседу, но, поскольку по ходу действия им предстоит сделаться соперниками, разговор уже сейчас превращается в забавный поединок. Забавный потому, что каждый норовит нанести противнику удар исподтишка да побольней, и вот уже в ход пушены стулья, которые то любовно сжимаются героями в объятиях, то взлетают в их руках, будто копия, то, перевернутые, надеваются на голову собеседника, превращая его в робота. За пределы балаганчика летят чопорные парики с актеров, обьявивших зрителю о своем

желании играть комедию господина де Мольера. И в этом бурном беспорядке летающих стульев, париков, шляп, слуг и даже их хозяев парцией порхает прелестная Агнесса — Камила Магалова — воистину дитя нашего, двадцатого, века. Это уже не кроткая простушка, какой она виделась наивному опекуну, и не пылкая невинность, какой представлялась три века назад Орасу. Это лукавая, но смелая девушка, знающая цену настоящей любви, но вступающая в открытый бой за нее лишь тогда, когда для этого имеется достаточно места, если же препятствия невидимы, хоть и грозны, — их можно обойти.

Театральный язык братиславского варьанта «Школы жен» ясен и непретенциозен. Символика стоящих вне сценической площадки пышных театральных костюмов, как бы отставленных в сторону, отброшенных балаганным театром, уже перестала быть символикой. И театр на нее не претендует, просто он на равных говорит с искусственным зрителем двадцатого века.

Режиссер спектакля Станислав Парницкий добавлял к тексту собственно «Школы жен» мольеровские «Версальский экспромт» и «Критику „Школы жен“», желая воссоздать атмосферу, в которой творил великий комедиограф. Этот прием пока интересен как обещание более углубленной разработки характеров, ибо Автор —

Мольер все-таки еще не становится подлинно действующим лицом спектакля, оставаясь лишь иллюстрацией приема. А спектаклю из Братиславы иллюстрации не нужны. Личности артистов на незатейливой площадке балаганчика настолько значительны, что понимаешь: им есть о чем шутить. Язык смеха не знает границ.

Это один из двух привезенных в наш город спектаклей. Второй — «Фата моргана» — поставлен Позеем Палкой по пьесе словацкого драматурга Ивана Буковчана, изданной посмертно. Художественный руководитель «Поэтической сцены» Иван Летко (он же исполнитель главной роли в спектакле «Фата моргана») сказал: «От прежнего театра, существовавшего в небольшом братиславском погребке, где вмещалось около восьмидесяти человек, у нас осталась приверженность к сценической метафоре, писценровке прозаических произведений, верность тексту. Сейчас мы влились в театральный комплекс «Новая сцена», хотя и остались вполне самостоятельным организмом. Театру десять лет. Первым импульсом к его возникновению была убежденность его создателей в необходимости вынести на театральную сцену поэтические произведения, мало известные широкой публике. Середина семидесятых подарила нам многочисленные постановки крупных прозаических произведений — словацкие зрители увидели сценические варианты и романа Баллека «Помощник», «Дворянского гнезда» Тургенева, лермонтовского «Героя нашего времени». Сейчас театр готовится к постановке инсценировку по роману Аюша Кертеца «Клетка» и «Преступление и наказание» по роману Ф. М. Достоевского».

С. ФЛОРИНЦЕВА

24 ОКТ 1981

Вечерний Ленинград
г. Ленинград